Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Т. 11

Выходит 4 раза в год

Санкт-Петербург
2015

Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 1. С. 74-81.

Анна Грачева
(Санкт-Петербург)

«МЫСЛИ О НАСТОЯЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ» А. Ф. ВЕЛЬТМАНА

В работе анализируются статьи А. Ф. Вельтмана, дающие представление о его взглядах на происхождение и развитие литературы. Впервые вводятся в научный оборот фрагменты из неоконченной статьи Вельтмана «Мысли о настоящей литературе».

Ключевые слова: Александр Вельтман, литература, архив писателя.

This work presents the analysis of the articles by A. F. Veltman that give an idea of his views on the origin and the development of literature. It is the first time when some fragments of the incomplete article by Veltman named «Thoughts about original literature» are introduced for scientific use.

Key words: Alexander Veltman, literature, writer's archive.

Незавершенная статья А. Ф. Вельтмана «Мысли о настоящей литературе» [4] не датирована, однако написана не ранее 1836 г. Именно в этом году выходит роман Вельтмана «Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский», вызвавший недоумение критики. В. Г. Белинский, высоко ценивший талант Вельтмана, по поводу этой книги писал: «Что это такое? сказка не сказка, роман не роман, а если и роман, то совсем не исторический, а разве *этимологический,* потому что все действующие лица помешаны на этимологическом производстве слов; неужели г. Вельтман захотел быть изобретателем особенного рода романов – *этимологических!..*». Белинский дает этому художественному методу свое объяснение. Он заключает, что Вельтман писал «тонкую, злую сатиру на исторических мистиков и отчаянных этимологистов». В доказательство шуточной природы романа критик приводит примеры из текста, где Вельтман производит имя Омир от выражения «по миру» и приписывает быту греков «и вареницы, и кадки, и бочонки, и все, что вы можете найти в

московском Охотном ряду». Критик восклицает: «Очевидно, что это шутка!» [1, с. 488] – и... ошибается.

«Исторический мистицизм» и «отчаянный этимологизм» так или иначе проявлялись в научной и художественной деятельности Вельтмана. В «Памятной книжке» 1834 года он формулирует метод, которым будет исследовать происхождение представлений о славянской богине Ладе: «Идти звуков, сходных с Ладо» [5, л. 90]. Далее следует запись: «В Индии божество Лат. По-сербски Лад знач.: тень, прохлада, сходное лёд и в самом русском слове прохлада (хлад) (здесь и далее выделено Вельтманом. – *А. Г.*) есть сия идея, Ладан (по-сербски) хлад, холод (лёд)» [5, л. 90 об.]. Подобные изыскания составляют содержание этой и многих других записных книжек автора[1].

Труды Вельтмана по лингвистике, истории и этимологии находили отражение в художественном творчестве, подчиняясь особенной философии писателя, совмещавшей патриотические настроения с просветительской и рационалистской традицией с одной стороны, и романтико-мистические устремления – с другой. Вельтман на собственном примере мог удостовериться, как образование и изучение наук создают необходимые условия для жизни и карьеры. В 1821 г., когда офицер Генерального штаба Вельтман занимается топографическими съемками в Бессарабии, в Москве умирает его отец Фома Федорович и детям (сестре Лизе и брату Васе) назначается опекун. В рукописном отделе РГБ хранятся письма Елизаветы Вельтман, писанные к брату в период его службы (с начала 1820-х гг.). В конце каждого – приписка детским круглым почерком. Это «братец Василий» передавал привет старшему брату. Сестра же описывает домашние хлопоты и проблемы: нехватку денег, болезнь Васи, отсрочившую его поступление в Кадетский корпус в Петербурге, о котором хлопотал старший брат. Оставшись в 20 лет практически главой семьи, Вельтман понимает, что только успехи на службе помогут ему спасти родных от грозящей нищеты. Однажды его знания уже помогли ему в этом: в 1816 г. умирает мать писателя, отец, Фома Федорович, лишается работы, и 17-летний Александр пишет и издает учебник «Начальные основания арифметики», продажа которого приносит небольшой, но спасительный в сложившейся ситуации доход. В 1837 г., уже

[1] См., например: [2], [3].

будучи известным писателем, он издает «Начальное чтение для образующегося юношества», где ставит задачу отобрать предметы, «которых значение и сущность относятся более до канвы познаний, нежели до их подробностей и украшения» [6, Предисловие].

Но практическую деятельность Вельтман органично «сращивал» с романтическими, а иногда и романтико-мистическими идеями.[1]

Вельтман создает систему понятий о происхождении и состоянии литературы, отчасти перекликающуюся с идеями современников, но имеющую собственное осмысление. О его взглядах можно узнать из неоконченной статьи «Мысли о настоящей литературе» и опубликованной в 1840 г. в «Очерках России» В. В. Пассека статьи «Русская словесность».

В «Мыслях...» он пишет о божественном изобретении письма, доступном только избранным (жрецам), и катастрофе, произошедшей, когда право на письмо перешло к «черни», «запятнавшей» язык богов и так и не вернувшейся к истинной сущности *слова*. Понимание слова как средства передачи божественной воли и способа познания бытия сближает позицию Вельтмана с традицией логоцентризма, перенятой немецкими романтиками (Новалисом, Ф. Гёльдерлином, Ф. Шлегелем).

В статье «Русская словесность» содержится рассуждение о литературе, которую Вельтман называет «органом слова», «голосом прошедшего к настоящему и настоящего к будущему», способностью передавать от поколения к поколению «завет, опыт и познания». Вельтман пишет: «Первоначальное значение слова литература означало совершение жертвоприношения: от слова Lito (Лития –возливание) – жертвоприношение, и ρήτρα– слово, речь (оракула); ρητηρ–orator. Латинское же слово littera произошло от lito, litare, и впоследствии придалось священным знакам, обратившимся в буквы» [7, с. 1]. Литература как орган слова должна сосредоточить в себе возможности общения с Богом (жертвоприношение) и передачи божественного знания.

Однако современный «век литературный» Вельтман считает утратившим эти способности. «...Рассадник мыслей из-

[1] В этой способности синтезировать научную деятельность и идеалистические романтико-мистические представления ближе всего из современников к нему стоит В. Ф. Одоевский.

веден», – пишет он в «Мыслях…», и далее ставит вопрос: «Не обмелело ли море мыслей? не обратилось ли в море праха, где дышут самумы?» [4, л. 5]. Замена «моря мыслей» «морем праха» ощущается как глубочайшая трагедия, постигшая человечество.

Необходимо отметить различие, которое Вельтман проводит между поэзией и прозой, понимая под истинной литературой поэзию, а прозаическому тексту приписывая изначально «низкое», то есть небожественное происхождение: письмо изобретено «мифом гражданской жизни и торговых отношений» [7, с. 7–8].

У «просвещенных народов» он выделяет два этапа в развитии литературы: первый – это *литература памяти*, или *изустная*. В этот период литература «чуждалась прозы и была неразлучна с голосом» [7, с. 7], так как «мерный стих» легче запомнить, а слова «заимствовались из самой природы». Второй этап настал по изобретении письма. Письменная литература началась с собрания священных песен и «приняла название *изящной*». Совершенствуясь, она «образовала священный язык, или *язык богов* – поэзию (песнопение), возвысившийся над *разговорным* живым языком, или прозой, которая составила со временем другую ветвь литературы, как необходимое орудие деятельности гражданской, обнимая собой всю прозу жизни» [7, с. 7].

Вельтман считает «изустную литературу» превосходящей письменную, так как она возникла на самых ранних этапах становления человечества, недалеко еще ушедшего от «золотого века» общения с богами. Показательно в этом смысле мнение, высказанное Вельтманом в письме Н. В. Гербелю, где речь идет о подготовке последним своего перевода «Слова о полку Игореве». Вельтман отмечает, что раньше «деятельность памяти» заменяла письменность: «Бумага терпит все, а память не терпела того, что не согласовалось с истиной и с истинным восторжением души. Память была неподкупна, немногоречива и не брала на себя заказов» [9]. Идея о том, что раньше литература «не брала на себя заказов» и была «неподкупна», в отличие от современной литературной ситуации, поддерживается и в «Мыслях…»: «Бедная литература! твои восторги иссякли, стали смешны, познания обратились в числы – все порывы твоих благородных страстей наследовали расчет <…> Литературный мир раздробился на про-

изводителей, продавцов, покупщиков, торгующих оптом и мелкими изделиями. В нем есть все сословия: и владыки, и аристократы, и купцы, и чернь, художники и ремесленники. В нем есть шуты и воры, грабители и убийцы способностей, есть сваты, есть даже Литературные браки – все есть» [4, л. 5].

Об «измельчании» и «торговой природе» современной литературы в конце 1820-х – 1830-х гг. говорилось неоднократно. Н. И. Надеждин в «Литературных опасениях...» (1828) утверждал, что поэзия должна рождаться в «гармоническом слиянии нравственного и умственного интересов», поэтому «древняя поэзия называлась *языком богов*; а настоящая есть не более как – воробьиное щебетанье!.. Ни смысла, ни цели!...» [8, с. 54]. Два года спустя им же написан трактат «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» (1830). В нем Надеждин, следуя за Гердером и немецкими романтиками, предлагает модель циклической смены цивилизаций, а с ними зарождения и умирания национальных литератур. Там же, кстати, он рисует образ утраты греческой поэзии – языка богов – и «высасывания» ее трупа роями безотвязных мух – толпой «грубых грамматиков» [8, с. 137].

В своей незавершенной статье Вельтман высказывает мысль, что сейчас не существует «гениев» и «творцов», способных вернуть слову первоначальную силу, а литература утратила способность нести истинное знание и порождать «новое»: в ней«всё обратилось в пошлость и стало пошло, всё унижено до грязи» [4, л. 5]. Вельтман видит падение литературы в момент, когда язык богов перешел к «черни», то есть стал «торговым общим языком» и божественная сила слова утратилась. А уже в «нашем веке» литература стала «механизмом», а «ценность письма пала, как облигации Людовика XVI, когда за пару котлет и бутылок вина надо было заплатить 25 тысяч франков на ассигнации» [4, л. 5]. Новая литература не только не вернула свое подлинное значение, – она «истребила вкус», «настал век *эффекта*». Появилось не только множество «эффектных писателей», но весь народ стал «эффектным», все вокруг жаждет «горячего, острого, comfortable, piquant» [4, л. 5]. В этот момент, считает Вельтман, литература могла бы приблизиться к своему утраченному значению, обратив свой взор в «мир внутренний, дух природы и человека», однако приступила к делу, «не изучив глубоко и жизнь общую и жизнь частную».

В чем же «положительная программа», следуя которой литература, согласно Вельтману, перестанет быть «зеленой и негодной к употреблению»? Ответ на этот вопрос стоит искать в статье «Русская словесность». Как и Надеждин, у которого «святая мать Русь, дщерь и представительница великого славянского племени» [8, с. 252] призвана стать новой колыбелью мировой поэзии (в статье «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической»), Вельтман отводил особую роль русской нации в деле создания «настоящей литературы».

В «Русской словесности» автор последовательно проводит свою концепцию, подкрепляя ее, где это необходимо, цитатами из Шатобриана. Так, он излагает позицию французского романтика о преимуществе происхождения «живого языка из живого языка» (перед возникновением языка из «мертвого»). Таким образом, романские языки – это «кустарники, возникшие на пне огромного дерева». Только две семьи языков, которые «могут гордиться своей породой», «семья готическая и славянская», сохранили всю силу жизни и плодотворность. Семья готическая имеет еврейское происхождение, что приобщало ее к истокам священной поэзии, однако сам готический язык скоро стал гражданственным, поэтому единственно «правильным» языком остается славянский, произошедший от индийского. По мнению Вельтмана, древняя литература индийцев – это «единственный образец самобытного развития и перехода из изустной в письменную» [7, с. 9]. Изустные предания со временем начали записываться мерными стихами (веды, «Махабхарата», «Рамаяна»). В славянском же языке, происхождение которого Вельтман ведет от индийского, сохранились «слова первоначальных понятий, звуки, которым учила человека сама мать природа» [7, с. 13].

В этой концепции совмещаются романтическое видение «нетронутого» национального сознания, способности к целостному постижению мира в общении с природой – мысль, которую в России, например, развивал В. Ф. Одоевский – с идеей избранности русского народа в деле возвращения к первоначальным значениям и звучанию слов. Вельтман называет «патриархализм» и «религиозность» как те свойства, которые позволили уже к тому времени могучему и развитому славянскому языку легко перенять Священное писание.

«Подготовила почву» для этого «изустная литература», находившаяся у славян на очень высоком уровне.

«Русская словесность» завершается пожеланием, «чтоб гражданская наша литература кончила период подражания и вступила в период самобытности». В классификации Вельтмана, данной в этой статье, этот период соответствует 5 и 6, то есть высшим ступеням развития национальной литературы. Вельтман означает современный ему период как «период подражания», помещая его на 3 ступени. Развернутое определение этого этапа не вошло в печатную версию статьи, но сохранилось в черновиках: «Литература классическая изящная – в этом возрасте и народ, и литература его есть подражатели великих деяний и изящных произведений других народов: он забывает свою собственную изустную литературу и предается очарованию новизны, стройности и порядка. Здесь начинается славолюбие и любовь к гениальности, по образцам иноземным писатель хочет создать образцы для своего народа. Обоготворя Гомера, он хочет сам быть Гомером и рабски подражает формам изображения, рассказа, сравнений. В это же время сильное подражание часто вредит и народу и литературе его, убивает природные способности и заменяет их педантизмом; потому что слепое подражание следует без разбору не только хорошему но и несообразному…» [4, л. 7–7об.].

Таким образом, «программа» для «истинной» литературы, составленная на основании его работ, должна заключаться в следующем:

1) необходимо постоянное обращение к исконной (изустной) литературе и ее изучение, тем самым ее сохранение;

2) в связи с этим необходимо подлинно знать историю народа (происхождение славян);

3) все это необходимо для восстановления исконных связей и приближения к «языку богов» – слову в его первозначении.

Тем самым, *этимологические* романы, о которых с удивлением писал В. Г. Белинский, возможно, могли являться практической попыткой реализовать поставленные в статьях задачи и способом показать современной «эффектной» литературе, где лежит та область, в которой, по мнению Вельтмана, нужно вести поиски.

Список литературы и источников

1. *Белинский В. Г.* Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский… // Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1.

2. *Вельтман А. Ф.* <Лингвистические изыскания> // ОР РГБ. Ф. 47. Р. I. Карт. 3. Ед. хр. 1.

3. *Вельтман А. Ф.* <Лингвистические, исторические, этнографические изыскания> // ОР РГБ. Ф. 47. Р. I. Карт. 2. Ед. хр. 1.

4. *Вельтман А. Ф.* Мысли о настоящей литературе // ОР РГБ. Ф. 47. Р. I. Карт. 19. Ед. хр. 1.

5. *Вельтман А. Ф.* Памятная книжка // ОР РГБ. Ф. 47. Р. I. Карт. 1. Ед. хр. 2.

6. *Вельтман А. Ф.* Начальное чтение для образующегося юношества. Отд. 1-е. 3-е изд. М., 1839.

7. *Вельтман А. Ф.* Русская словесность // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. СПб., 1840. Кн. 3.

8. *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972.

9. *Грачева А. А.* Письма А. Ф. Вельтмана к Н. В. Гербелю о переводе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 2015. № 3 (в печати).